

К ИСТОРИИ СЮЖЕТА РОМАНСА ПУШКИНА
О БЕДНОМ РЫЦАРЕ

Не может быть сомнений в том, что сюжет пушкинского романа о бедном рыцаре восходит к какой-то обработке средневековой темы о культе Мадонны. Но каковы ближайшие или более отдаленные источники пушкинского романа? Анненков (соч. Пушкина, т. V, стр. 534) предполагал, что мы тут имеем дело с переводом какого-нибудь оригинального провансальского романа. Но как справедливо указывает автор новейшей работы о романе Г. Н. Фрид («История романа Пушкина о бедном рыцаре», сб. «Творческая история» под ред. Н. К. Пиксанова, М., 1927), предположение Анненкова не оправдывается всей историей создания этого стихотворения, как она отразилась в дошедших до нас рукописях. Сам Фрид отказывается что-либо сказать о возможном оригинале пушкинской пьесы. По его словам, и Ю. Г. Оксман, запрошенный по этому поводу, сообщил ему, что в свое время он старался разыскать возможные оригиналы романа, но его поиски не привели ни к какому результату. А между тем в литературе о романе имеются кое-какие наводящие указания. В статье Н. П. Демидова, посвященной «Сценам из рыцарских времен» («Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук», 1900 г., кн. 2), указываются некоторые совпадения «Сцен» с «Жакерией» Мериме. Автор склонен думать, что и самый роман о бедном рыцаре мог быть внушен Пушкину некоторыми местами той же «Жакерии». Однако сближения, делаемые Демидовым, настолько общи и при том случайны, что на них ни в какой мере полагаться не следует. Ценнее для нас в этом отношении замечка Н. Ф. Сумцова, напечатанная в книге «Пушкин» (Харьков, 1900, стр. 158—162). Здесь читаем: «Пушкин при сочинении романа о рыцаре

руководствовался западно-европейским образцом из ряда средневековых духовных стихов и фавлбо о рыцарях Марии девы. Известно древне-французское фавлбо «Du chevalier qui ooit la Messe, et Notre-Dame estoit roug lui au tougnoïement» (напеч. в I т. Барбазана и Меона, в 120 стихов). Ближе стоит к романсу Пушкина средневековая легенда о женихе Марии, в 196 стихов, в сборнике духовных стихов Готбе де Куанси (XIII в.). Эта легенда проникла во французские фавлбо; в сборнике Барбазана и Меона (во II томе) «Du varlet, qui se maria à Notre-Dame, dont ne voit qu'il habitast à autre». Подобного рода духовные стихи существовали и в старинной немецкой литературе. Далее идет краткий пересказ с цитацией двух старонемецких стихотворений — «Marien Ritter» и «Marien briu tegum» (из сборника Hagen «Gesamttabenteuer»), во многом, действительно, напоминающих пушкинскую пьесу. Неясно, почему Сумцов предпочел пересказать старонемецкие стихотворения, не пересказав совершенно упомянутых им текстов старофранцузских, по сюжету очень близких к обоим немецким текстам. Ведь для Пушкина, во всяком случае, естественнее искать источники во французской литературе, а не в немецкой, тем более — старинной.

В этих поисках естественно обратиться прежде всего к описанию пушкинской библиотеки, сделанному Б. Л. Модзалевским. Но, к сожалению, это ознакомление к положительным результатам не приводит. Судя по заглавиям книг, приведенным в каталоге, и принимая в расчет год выхода их в свет, источника пушкинского романа следует искать лишь в двух направлениях: или в пятитомном собрании Legrand d'Aussy. «Fabliaux ou contes, fables et romans du XII-e et du XIII-e siècle». 3-е изд., Париж, 1829 (по каталогу № № 911 и 1085), в котором весь пятый том занят благочестивыми фавлбо, или в сочинении Sismondi. «De la littérature du Midi de l'Europe», 4 тома, 3-е изд., Париж, 1829 (№ по каталогу — 1391), изобилующем образчиками текстов различных эпох. Но ни у Legrand d'Aussy ни у

Sismondi никаких параллелей к пушкинскому стихотворению не находим. Legrand d'Aussy в основу своего сборника, в качестве источника, положил, между прочим, и популярный сборник Barbisan'a и Méon'a «Fables et contes de poètes français de XI, XII, XIII, XIV et XV-e siècles», на который он и ссылается. Сборник этот пользовался большой популярностью. Новое его издание, в 4 томах, вышло в Париже в 1809 году. У нас нет прямых свидетельств о том, что Пушкин с этой книгой был знаком, но возможность такого знакомства, ввиду распространенности и авторитетности издания, очень вероятна.

Прежде чем перейти к сопоставлениям, дадим несколько фактических справок о судьбе текста стихотворения «Жил на свете...»

Впервые оно было опубликовано уже после смерти Пушкина в 5-й книжке «Современника» за 1837 г. в «Сценах из рыцарских времен» по чистовой рукописи, принадлежащей ныне б. Румянцовскому музею (тетрадь № 2384). Эта редакция текста датируется с наибольшей вероятностью 1835 г. В тетради того же музея № 2371 находится более ранняя редакция романа, написанная около 1830 г., начинающаяся словами «Был на свете рыцарь бедный...» Она обширнее по объему окончательной редакции и включает в себе ряд реалистических подробностей, отсутствующих в завершенном тексте стихотворения. Наконец, существует еще третья редакция романа, представляющая собой промежуточный текст по сравнению с обеими рукописями б. Румянцовского музея и находящаяся в парижском собрании А. Ф. Онегина. Все три рукописные текста лучше всего транскрибированы Г. Н. Фридом в указанной статье (некоторые промахи в чтении ранней редакции романа по тетради № 2371 указаны мной в рецензии на книгу «Творческая история». «Печать и революция», 1927, № 2). Фриду принадлежит и наиболее удачная реконструкция ранней редакции текста.

Для наших интересов существенное значение имеют лишь обе крайние редакции — ранняя и окончательная.

В процессе переработок первоначального текста Пушкин не только качественно усовершенствовал свой первоначальный замысел, но и освободил его от ряда реалистических подробностей, дематериализуя самый сюжет стихотворения.

В ранней редакции видение рыцаря конкретизовано:

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Матерь господина Христа.

В окончательной редакции осталось лишь «виденье непостижное уму», без конкретного его разъяснения.

Исчезло в окончательной отделке также указание на то, что из-за пристрастия к девице Марии рыцарь не переслал отцу, сыну и святому духу, что он умер без участия. Выброшенными оказались и три заключительные строфы:

Между тем как он кончался,
Бес лукавый подоспел,
Душу рыцаря собирался
Утащить он в свой предел.

Он де богу не молился,
Он не ведал де поста,
Не путем де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него.
И впустила в царство вечно
Паладина своего ¹.

Обратимся теперь к сборнику Барбазан'а и Меон'а. В нем находим три (а не два, как указывал Сумцов) фавлы, имеющих много общего в своем сюжете с романсом о бедном рыцаре. Рассмотрим эти фавлы в порядке возрастающего приближения к пушкинской пьесе ².

¹ Пользуюсь реконструкцией Г. Н. Фрида.

² Помощью при переводе старофранцузских текстов я обязан К. А. Розановой-Марцишевской.

В фавльо «Du chevalier qui ooit la Messe, et Notre-Dame estoit pour lui au tournoiement (т. 1, стр. 82–86) рассказывается «о храбром воине, о доблестном рыцаре, который по своему желанию заперся в монастыре ради священных служб в честь девы Марии и ее сына». Этот рыцарь — высокого происхождения, учтивый, мудрый и храбрый, лучший из рыцарей, очень любил деву Марию. Чтобы заявить о своей знатности и утомить оружием свое благородное тело, он, одетый, как подобало, отправился на турнир. По воле божьей случилось так, что когда настал день турнира, он не в состоянии был скакать, а между тем он хотел быть на поле первым. Услыхав звон к священной мессе в ближайшей церкви, он немедленно отправился в церковь, чтобы послушать службу божью. Рыцарь благочестиво пропел мессу в честь девы Марии и выслушал другую службу, молясь от всего сердца. Когда месса окончилась, началась третья служба. В это время слуга сказал рыцарю: «Господин, во имя бога, проходит час турнира. Почему вы находитесь здесь? Идите туда, прошу вас. Или вы хотите сделаться отшельником?» «Друг,— ответил рыцарь,— успех на турнире будет иметь тот, кто прослушает богослужение. Когда окончатся все службы, мы отправимся в путь и, если на то будет милость божья, доблестно победим на турнире». Сказав так, он приблизился к алтарю и присутствовал при всех песнопеньях, которые были пропеты. Затем, оседлав коня, он поскакал во весь опор к тому месту, где должны были собраться его люди. Его встретили рыцари, которые вернулись с турнира ранеными. Они все приветствовали пришедшего и сообщили ему, что еще ни один рыцарь не сражался так храбро, как он сегодня. За это ему вовеки честь и хвала. Тут оказались его пленники, которые говорили: «Мы ваши пленники, наше оружие у вас». Рыцарь не удивился: он сразу понял, что та, ради которой он был в часовне, заменила его на поле сраженья. Он позвал всех своих баронов и сказал: «Слушайте меня: я расскажу вам такое чудо, подобного которому вы никогда не слы-

хали». И он им рассказал, как он слушал богослужение, а на турнире вовсе не был и никого не ранил мечом. Дева, в часовне которой он молился, сегодня вместо него принимала участие в турнире. «Прекрасен был тот турнир, в котором она вместо меня сражалась. Но плохо поступил бы я, если бы вернулся в суетный мир. Я обещаю богу никогда не сражаться на турнирах и выступать только перед вечным судьей, который один может меня судить». Он смиренно принял послушание, поступил в монастырь и стал служить деве Марии.

Этот рассказ сходствует с пушкинским романсом лишь в самом общем — в теме, исключительной по напряженности любви к деве Марии. Он осложнен популярным в Средние века мотивом — небесные силы (в частности, богородица) замещают человека и в его образе, выполняя его работу. (Ср. рассказ о неслышимом милосердии богородицы к некоей церковнице из «Speculum Magnit» легший в основу «Сестры Беатриссы» Метерлинка.)

В другой фавле — «Du varlet qui se maria à Nostre-Dame dont ne volt qu'il habitast à autre (ibid., т. II, стр. 420—426) — рассказывается о том, что перед одной старинной церковью стояла статуя девы. Каждый проходящий оставлял у ее подножья какое-нибудь приношение. Часто неподалеку играли дети в «клубок». Однажды большая толпа юношей играла в эту игру перед самым порталом церкви, там, где находилась статуя. Один из них, красивый юноша, носил на пальце кольцо, подаренное ему его подругой. Чтобы это кольцо не потерялось и не разбилось на части, он решил спрятать его в другом месте. Приблизившись к церкви, он увидел красивую статую, которая показалась ему такой прекрасной, что он в восхищении склонил перед ней колени и стал благочестиво совершать поклоны со взволнованным сердцем и умом. «Дама, — сказал он, — я буду служить вам всю мою жизнь, потому что никого никогда не видел прекраснее вас. Вы во сто тысяч раз лучше той, которая подарила мне кольцо. Я подарю вам в залог моей любви это прекрасное кольцо, удалюсь в монастырь и всю

жизнь не буду иметь ни подруги, ни жены, кроме вас, прекрасная дама». И он надел свой перстень на палец стапуи. Стапуя внезапно так крепко согнула палец, что снять кольцо не было никакой возможности. В ужасе юноша громко закричал, выбежал на площадь и стал всем встречным рассказывать о случившемся с ним. Каждый изумлялся и давал советы, которые он выслушивал в продолжение всего дня. Ему советовали покинуть свет, посвятить себя богу и деве Марии: она как бы сама указывала ему, что он должен ее одну любить и не иметь иной подруги. Но у него не хватило благоразумия все это исполнить. Скоро он стал забывать о случившемся. Проходили дни, юноша рос и мужал. Любовь к подруге так сильно связала его, что он совсем забыл богоматерь. Любовь к той, чей перстень он носил когда-то, сильно пленила его сердце. Вскоре он женился на своей подруге. Свадьба отпразднована была пышно: они были люди состоятельные. Присутствовало большое количество родственников и знакомых. Постель была уже готова, и молодые удалились в роскошную, заботливо приготовленную спальню. Но, придя туда, юноша почувствовал страшную усталость и, не коснувшись подруги, уснул крепким сном. Тогда явилась прекрасная дама (*douce Dame*), легла между ним и его женой и показала ему на своей руке кольцо, которое очень к ней шло, потому что палец был прямой и блестящий. «Ты поступил со мной вероломно,— сказала она,— Видишь кольцо твоей подруги, которое ты галантно дал мне, говоря, что я во сто тысяч раз красивее той девицы, которую ты любишь, и что ты будешь мне верен и не изменишь?» Страшно пораженный виденным, юноша (далее он почему-то называется клерком) проснулся и хотел руками схватить видение, но никого уже не было. Снова овладела им усталость, и он крепко уснул. Тогда опять явилась к нему богоматерь, но на этот раз полная гордости, негодования и презрения. Она посылала на его голову тысячу проклятий, угрожая ему адом, дьяволом, моровым, поветрием и всяческими бедствиями. Клерк в ужасе вско-

чил, весь дрожа, оставил жену, ушел в монастырь и всю остальную жизнь посвятил Христу и деве Марии. Он остался на всю жизнь в монастыре и был верен той, с которой обручился. И прошло уже два века, как он женат на Марии¹.

Существенное отличие этого фавла от предыдущего в том, что чисто религиозный, лишенный признаков земной любви культ богородицы, характерный для рыцаря, усердно слушавшего мессу, во втором случае сменяется уже совсем земными чувствами к деве Марии, точнее — к ее статуе, поразившей юношу прежде всего своей красотой. И самые отношения юноши и богородицы разворачиваются в плане слишком реалистическом. Далеким по своему содержанию от такой материализации сюжета, пушкинский романс по своему духу не только в первой своей редакции, но и в завершительной, все же ближе ко второму фавлу, чем к первому. Для пушкинского бедного рыцаря характерно не то, что он благоговейно чтил деву Марию, а то, что он влюблен в нее, как в идеал прекрасной женщины. Это подчеркивалось Пушкиным в строках первой редакции:

Не путем де волочился
Он за матушкой Христа...

и следующими строками письма к М. Л. Яковлеву от 19 июля 1831 г.: «У Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же Ижорский, также и моя «Баллада о рыцаре, влюбленном в деву» (Переписка Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. 2-й, стр. 185).

Наконец в рассказе, озаглавленном «Uns miracles de Nostre-Dame, d'un chevalier qui amoit une dame» (Barba-

¹ Для истории сюжета сравни рассказ Мериме «Венера Ильская» (1837 г.), в котором идет речь о гибели Альфонса Пейророда, надевшего перед своей женитьбой кольцо на палец статуи Венеры. Статуя из ревности задушила на брачной постели юношу, нарушившего символически данное ей обещание быть ее мужем.

зан еѣ Мѣон, т. I, стр. 347—356), речь идет о рыцаре прекрасном, храбром, гордом, очень богатом и знатном. Он мечтал только о турнирах и поединках ради дамы, которая украла его сердце. Дама эта была высокого происхождения и замечательная красавица. Она холодно и с презрением относилась к рыцарю, и чем холоднее она была, тем больше разгоралась его страсть. Не будучи в состоянии победить свое чувство, он открыл его святому человеку, аббату, и тот посоветовал ему удалиться на год в монастырь, отказавшись от турниров. Он последовал его совету и каждый день молился деве. Однажды заблудившись на охоте, он увидел часовню. «А, божья матерь,— сказал он,— благодарю тебя, пречистая дева, оставь в этой часовне того, кто хочет тебе служить». Без колебаний входит он в часовню и видит стапию богоматери. Он бросился на колени, совершил 150 поклонов. «О, пречистая дева,— сказал он,— я молюсь о моей подруге, которая так прекрасна, что наполняет меня большой любовью. Природа еще не создавала такой красоты. Все мое сердце принадлежит ей. Увы, если бы она полюбила меня!» Так молился он перед изображением святой девы, спрадая, плача и испуская глубокие вздохи. Богоматерь по своему великому милосердию к спрадальцам, призывающим ее, показалась ему во всем величии. Корона ее засверкала драгоценными камнями, и одежды заблестали. Она спала так прекрасна, что нельзя было ею не залюбоваться. «Та, которая заставляет тебя вздыхать и повергает в такое горе,— спросила богородица,— разве она, мой друг, прекраснее меня?» Рыцарь в испуге закрыл лицо руками; его объял невыразимый ужас, но та, которая милосердна ко всем, сказала ему: «Друг, не сомневайся, я та, которая может тебе дать твою подругу, и та из нас двоих, которую ты больше любишь, будет твоею». «Если такая замена возможна,— сказал рыцарь,— то я готов ее забыть». «Прекрасный друг,— сказала богородица,— там, в раю, ты найдешь во мне верную подругу, радость, поддержку и дружбу. В моей любви и во мне ты найдешь больше, чем мог бы

желать. Но надо вместо рыцарских подвигов и турниров делать 150 поклонов в день в продолжение года, не пропуская ни одного дня, и ты получишь мою любовь и будешь в моей власти без конца и срока». Рыцарь немедленно отправился к аббату и рассказал ему о происшедшем. После этого он постригся в монахи и все свое сердце и душу отдал деве. Он не пил и не ел, глубоко вздыхал, сердце его все восхищалось ее красотой. Божья мать без промедления, к концу года, взяла его к себе для блаженной жизни труда, где ее друг день и ночь наслаждается радостями любви.

Из всех трех рассказов, здесь изложенных, последний больше всего напрашивается на сближение с пушкинским романсом. В нем отсутствуют те реалистические подробности, которые присущи второму из пересказанных фавль. Там дева Мария изображена как ревнивая и мстительная женщина, грозно ополчающаяся на изменившего ей рыцаря. В миракле же она гораздо более соответствует обычному идеализованному воззрению на нее. В то же время она поражает рыцаря своей красотой и влюбляет в себя настолько, что для нее он забывает земную женщину, к которой он до тех пор испытывал запретную страсть. В наличии этого последнего эпизода — страстного увлечения рыцаря некоей женщиной, побеждаемого любовью к богородице, — существенное отличие романа Пушкина от пересказанного миракля. У Пушкина лишь глухо упоминается о том, что ранее у рыцаря были обычные увлечения, но что после «видения, непостижного уму», он женщинами пренебрег:

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
Он до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел...

Вместо обычного для средневековых рассказов монастыря местом заключения пушкинского рыцаря является дальний замок. Рыцарь миракля, постригшись в монахи

и «все свое сердце и душу отдав деве», «не пил и не ел, глубоко вздыхал, сердце его все восхищалось ее красотой», и к концу года богородица взяла его к себе для блаженной жизни. Сходно говорит Пушкин и о своем рыцаре (1-я редакция, реконструкция Фрида):

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.
.....
Возвращаясь в свой замок дальний,
Жил он будто заключен,
Все влюбленный, все печальный,
Без причастья умер он.
.....
Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

В заключение приведем еще один рассказ на тему, близкую к теме романа о бедном рыцаре. Он находится в сборнике Цезария Гейстербахского «*Dialogus miraculorum*» и озаглавлен: «*De milite propter domini sui uxorem tentato, quem sancta Maria liberavit*» (Ср. *Cesarii Heisterbacensis Monachi ordinis cisterciensis Dialogus miraculorum. Accurate recognovit Jozephus Strange. Coloniae, Bonnae et Bruxelis, 1851* т. II, стр. 40.) Рассказ этот целиком, без изменений, вошел в средневековый латинский сборник «*Speculum Magnum*», откуда в польское «*Wielkie Żwierciadto*», переведенный в XVII веке в России под именем «Великого зеркала».

Воспроизвожу текст рассказа по списку «Великого зеркала» XVII века, принадлежащему б. Румянцовскому музею (по описанию Востокова, № 180):

(л. 292). «Прилогъ ѣ. Пресвятая богородица юношу война отъ искушенія сквернаго избави ради своего поздравленія и на вечерю небесную призва. Гл. с.о.д.

Воинъ нѣкій младый живяше при нѣкоей честной госпожѣ. Бысть же лѣпъ образомъ и возрастомъ, но множае

бѣствѣ благолѣпнѣю чистотою дѣвѣства. За (л. 292 об.) вѣствѣ же дѣявольская сотвори сіе, яко на жену господина своего зѣло веліе разженіе терпяше, въ немъ же цѣлое лѣто пребѣствѣ. И отвергши срамъ, повѣда своей госпожѣ, еже терпяше, но егда сія, яко честная, ему поноси сіе, еще же и въ большую болѣзнь вложи его. Тогда онъ иде къ нѣкоему пустыннику (къ нему же и часто ради совѣта обыче ходити) искушеніе свое со слезами повѣда. На сіе же старецъ несумѣнно, яко мужъ святыи, отвѣща, глаголющи: «Ничтоже ты паче яко сіе одержишь, и азъ ти совѣтъ сицевыи даю, яко сіе еже желаеши, обрящеши: черезъ сіе же лѣто стократно цѣлованіе ангельское съ молитвами пресвятой богородицѣ глаголи и за сіе все воспримиши, еже желаеши». Вѣдаяше бо, яко рачительница чистоты юношу чистаго, аще и въ блудномъ разженіи будущаго, не оставитъ, понеже она толикаго ествѣ милосердія, яко много же отъ призывающихъ ея не оставитъ и вѣрно ей служащего во искушеніе впасти не попуститъ. Тогда онъи юноша въ великой простотѣ сердца госпожѣ нашей завѣщанное служеніе творяше и во единъ отъ дни сѣдѣше за трапезою господина своего и вспоминая, яко той день бѣствѣ конечный мимо грядущаго лѣта. И абіе восставши, всѣдши на конь и во ближнюю церковь шедши и обычныя своя молитвы творяше. По семь (л. 293), егда изъ церкви изыде, узрѣ выше ума человѣческаго прекрасную жену, всякую красоту человѣческую превосходяще, и сія коня за узду держаше. Егда сей ужасеся, сія рѣче ему: «Возлюбила ли ты ся красота моя?» Онъ же отвѣща: «Никогда же сицевыя жены видѣхъ». И паки рѣче ему: «довлѣетъ ти уневѣстипися мнѣ?» Къ ней же отвѣща онъ: «И царь убо блаженъ бѣ быль, которыи бѣ ты возмогъ уневѣстипити». Она же рѣче къ нему: «Се азъ хощу уневѣстипитися тебѣ. Приступи ко мнѣ и подаде ему лобзати десницу и рѣче ему: «Нынѣ уневѣщеніе наше начатся, но оногo дне предъ сѣномъ моимъ совершеніе будетъ». По семь словеси позна, яко пресвятая богородица-дѣва бѣствѣ. И отъ того часа отъ великаго расплѣнія свободенъ бѣствѣ тако, яко и го-

спожа его дивляшеся. Сіе все егда пустыннику сказа, сей же милосердію пресвятыя богородицы чудяшеся и рече: «И азъ хощу быти въ день брака твоего и въ то время расположимъ вещи пвоя». И сотвори тако пустынник той, еже въ день поставленный прииде и рече юношѣ: «Слыши ли колико болѣзни?» Отвѣща: «Ныне слышу». И того времени душу господеву предаде, да обѣщаннаго брака и веселія вѣчнаго на небеси не лишится».

Как видим, рассказ из «Великого зеркала» в основном очень близок к пересказанному перед этим miraclo. Некоторые его подробности, отсутствующие в miracle, легко сближаются с отдельными частностями, характерными для пушкинского романа. Таковы некоторые места, характеризующие рыцаря: «Но множае бысть благолѣпность чистотою дѣвства»; сравни также указание на то, что юноша служил своей госпоже «въ великой простотѣ сердца». В параллель к строкам:

Он имел одно виденье
Непостижное уму. —

в рассказе «Зеркала» читаем: «Узрѣ выше ума человека прекрасную жену». В том же рассказе встреча молодого воина с богородицей происходит не в церкви и не в часовне, а на дороге (богородица останавливает его коня за узду). То же и в романсе, в его первоначальной редакции (встреча во время путешествия в Женеву на дороге у креста).

Приводя все эти параллели к романсу о бедном рыцаре, я отнюдь не склонен настаивать на том, что в них необходимо искать источника пушкинского стихотворения. Хотя мы с достоверностью можем утверждать знакомство Пушкина со старой французской поэзией (ср. Сумцов, ук. соч., стр. 161), хотя не исключена возможность знакомства поэта со старинными памятниками русской литературы типа «Великого зеркала» (см. его выписки из «Четвух-Миней» и из «Пролога», относящиеся к 1835 г. Соч. под ред. П. О. Морозова, изд. «Просвещения», т. VI,

стр. 436—439), мы все же не имеем оснований в приведенных текстах или в каком-нибудь одном из них видеть непосредственный источник нашего стихотворения. Этими текстами не покрываются ни специфические особенности формы пушкинского романа, ни его стиль в частности, ни отдельные подробности сюжета. Из тех же текстов не вывести и замечательной по своей глубине и силе характеристики бедного, молчаливого и простого рыцаря, так сжато и вместе так исчерпывающе-содержательно данной в первой же строфе стихотворения. Все это нужно отнести или на долю самостоятельной творческой работы поэта, или на долю необнаруженных до сих пор прямых источников романа. Мои поиски в области европейской поэзии, связанной с культом Мадонны, в иных направлениях, помимо отмеченных выше, не дали пока никаких результатов. И на привлеченные к этой работе тексты, за отсутствием конкретных свидетельств о том, что они действительно были известны Пушкину, приходится смотреть лишь как на параллели, служащие материалом к уяснению истории сюжета пушкинского романа.

ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПУШКИН

СБОРНИК ВТОРОЙ

Редакция Н. К. ПИКСАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД